

ЗДЕНКА РИБАРОВА
Славянский институт АН ЧР, Прага

РУССКИЕ ВЛИЯНИЯ В МАКЕДОНСКИХ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЯХ

Исследование восточнославянского влияния в южнославянских рукописях (македонских, сербских, болгарских) имеет долгую традицию и достигло замечательных результатов. Вопрос о так называемом первом восточнославянском влиянии ставит Сперанский на широкой сравнительной основе (Сперанский 1923). В ходе исследований уточняются культурно-исторические и политические условия этого влияния, в результате чего возможно его кульминацию отнести к XII–XIII веку и связать с возобновлением фонда литературы, уничтоженной на Балканах во время византийского господства. Конечно, устанавливаются возможные пути, по которым могли восточнославянские рукописи попасть на славянский юг. В связи с этим говорится об особенно важной роли святогорских монастырей и раннем присутствии русских монахов в них (Конески 1989), а также и о других возможных контактных зонах.

В ходе исследований постепенно увеличивается число источников, в которых открываются следы контакта с восточнославянской письменностью. Эти источники представляют собой копии восточнославянских рукописей, которые содержат основной фонд славянской письменности, созданный в Великой Моравии и дополненный на славянском юге учениками Кирилла и Мефодия. Этот фонд был перенесен в Киевскую Русь, скорее всего, македонским или болгарским посредничеством, или непосредственно во время живых контактов со славянским западом.

Как известно, старославянские тексты играли важную роль при установлении орфографических норм церковнославянского языка русской редакции (Тот 1985; Успенский 1987). Кроме текстов упомянутого типа появляются и книги, содержащие новые произведения, и оригинальные, и переведенные в восточнославянских литературных центрах. Эти произведения жанрово обогащают южнославянскую

письменность, но, одновременно, представляют собой очень важные источники для исследования древнерусской письменности и культуры, которая терпит катастрофу в связи с монголо-татарским нашествием в 1237–1241 годах (Турилов 1993).

Первое восточнославянское влияние Мошин считает решающим моментом в развитии южнославянской письменности и подчеркивает, что палеографическо-орфографические изменения, чаще всего, тесно связаны с лингвистическими явлениями (Мошин 1970: 230; Мошин 1988: 85–96). Такое заключение подтверждают и все исследования, которые выявляют большие размеры и глубокие следы восточнославянского влияния в различных областях. Помимо влияния в палеографическо-орфографических нормах и в языковой структуре текстов, открывается присутствие русских праздников в южнославянских месяцесловах, открываются влияния в орнаментике рукописей и текстологические традиции, характерные для русской письменности.

При изучении языка македонских церковнославянских текстов обсуждаются различные аспекты отражения восточнославянского воздействия. Постепенно значительно расширяется количество источников, в которых открываются несомненные следы использования восточнославянских подлинников. В этом отношении можно сравнить первые труды Конеского, который эту проблематику включает в македонскую медиевистику, и его последующие статьи, в которых существенно расширяется число обсуждаемых рукописей. То же самое можно сказать и о статьях других авторов, касающихся упомянутых вопросов. Например, Бицевска анализирует русизмы в 17 македонских церковнославянских рукописях с XII по XIV век: в евангелиях Добромировом, Добрейшовом, поп Йовановом, Радомировом, Карпинском, Кратовском и Македонском (Загребском), в апостолах Охридском, Вранешничком, Карпинском, Верковичевом и Дечанском, в Лобковском паримейнике, в прологе Станислава, в Лесновском паренезисе, в Загребской и Хлудовой триоди (Бицевска 1998). Конечно, учет всех македонских памятников с отражением русского воздействия ни в коем случае не претендует на исчерпанность, но дает возможность для новых исследований.

Все исследования ясно показывают, что русское воздействие имеют древние корни, которые можно отнести к начальному периоду развития македонской письменности, ко времени, когда еще в живом употреблении была глаголица (Конески 1983: 25). Самые древние

свидетельства русского влияния открывает Конески в Мариинском евангелии и в Македонском кириллическом листке (Конески 1986; Конески 1988: 53–55). При объяснении этой ситуации упоминаются контакты Сазавского монастыря с Киевской Русью (Hauptová 1984: 63). Можно упомянуть и совпадение календаря Охридского и Слепченского апостола с Ассеманиевым евангелием, в котором 26 ноября празднуется освящение церкви святого Георгия в Киеве, которую построил Ярослав Мудрый в 1037 году и освятил митрополит Иларион (1051–1054) (Сергий 1901: 366). Кроме того, устанавливается, что русское влияние в македонской письменности очень распространено и особенной интенсивности достигает в XIII и XIV веках (Конески 1979; Конески 1983). Его присутствие заметно на всех уровнях языковой структуры. Самое большое внимание до сих пор уделялось исследованиям на палеографическо-орфографическом и лексическом уровнях, между тем как исследования на морфо-синтаксическом уровне более скромные.

Тем не менее, надо упомянуть, что интерпретация отдельных явлений в текстах может быть очень сложна, так как зависит от различных условий, что подтверждают случаи различных толкований одного и того же явления. В качестве примера можно привести толкование деназализации $\text{ѣ} > \text{о}$ в Мариинском евангелии, которая связывается с сербским или северомакедонским влиянием (Jagić 1883: 410), тогда как Конески (Конески 1986) говорит о русском влиянии. Второй известный пример касается Македонского кириллического листка: Ильинский (Ильинский 1906) отрицает присутствие русизмов, с чем не согласен Конески (Конески 1988: 53). С толкованием отдельных явлений в Охридском апостоле как русизмов, которое предлагает Выскочил (Vyskočil 1980; Vyskočil 1990), высказывает несогласие Добрев (Добрев 1984).

Присутствие русских подлинников в македонских культурных центрах подтверждается многими примерами на всех уровнях языка, но их истолкование часто связано с различными проблемами. Можно указать, например, на проблему идентификации отражения так называемого «третьего ять», который в русских текстах появляется в окончаниях мягкого склонения существительных, прилагательных и местоимений на месте старославянского (южнославянского) носового гласного переднего ряда. При интерпретации надо иметь в виду целый ряд вопросов, связанных с развитием носовых гласных, которое

диаметрально отличается в русской и македонской среде. Кроме того, интерпретацию усложняют и графические решения в отдельных рукописях, в результате чего появляется необходимость индивидуального подхода при толковании отдельных примеров.

Падежные окончания с гласным *ять* (ѣ) в русских текстах известны с древнейших времен. Еще тогда встречается графический вариант с носовым гласным переднего ряда (а), например, в Остромировом евангелии (1056–1057). Это значит, что, например, родительный падеж единственного числа существительного душа в русском тексте может быть написан или душѣ, или душа, причем последнюю форму можно записать и душа в соответствии с обычным русским произношением (Večerka 1983: 20; Успенский 1987: 124; 139). Расхождение в произношении и написании влечет за собой графическую эквивалентность ѣ – а/а – а/а. Из-за того очень усложняется интерпретация соответствующих падежных окончаний в македонских текстах XIII и XIV веков, в которых приведенные написания встречаются не только как отражение восточнославянского влияния, но, прежде всего, как результат развития носовых гласных в македонском языке: их смешение, центральномакедонская деназализация ѣ > а и общемакедонское развитие носового гласного переднего ряда в широкое ä (Конески 2001: 41; 79). В результате этого в македонских рукописях находятся орфографические изменения а > ѣ > а (деназализация после предшествующего смешения) и замены графем ѣ и а. Поэтому только на основании присутствия упомянутых изменений еще нельзя говорить о русском влиянии.

В качестве примера можно привести результаты изучения языка Евангелия попа Иоана, Радомировой псалтыри, Врачанского евангелия и Лобковского примейника. Все эти тексты объединяет наличие нормированного смешения носовых гласных, во всех находятся многочисленные примеры деназализации ѣ > а, а > е наряду с деназализацией ѣ > оу, а > ѣ, во всех употребляется а вместо а и во всех в различной степени находятся изменения в склонении. В лингвистических анализах с русскими подлинниками связывается Врачанское евангелие (Цонев 1914), Евангелие попа Иоана (Конески 1975), но в издании В. Мошина о русских влияниях не говорится ничего (Мошин 1954). Нет единства и в отношении Лобковского примейника (см. дальше). Русское влияние не упоминается в издании Радомировой псалтыри (Макаријоска 1997).

Контакт с русской письменностью на всех уровнях можно хорошо документировать в Радомировом евангелии (Рад) второй половины XIII века (Угринова-Скаловска, Рибарова 1988).

Воздействием на орфографическом уровне можно объяснить, например, следующие явления: смешение *а* и *-ʹа/ѡ*: им. ед. власфимиа 47b6, супин слышать 99a3, въ чѣтыри тыщѣца 119c24, род. ед. ѿ галилѣа 143c11; многочисленные формы с *-е-* вместе с *-ѣ-* в основе *-вѣца-* (49×); адаптация греческого *Θ* как *Ф*: ѿ вифьсаиды 17a13, фарань 81a8 (τοῦ Θάρρα), ѿ архимафеа 145b24. Русское диалектное (а не литургическое) произношение старославянской *-щ-* как *-ч-* (Večerka 1982) находится в примере: седемь инѣхъ дѣхъ лючъшѣжъ себе Мт 12:45 вместо лючьшь в старославянских текстах. Пример приввидить Л 6:13 (124d 25) вместо прѣввидить, которое находится в Мт 6:24, можно объяснить как отражение русского диалектного изменения *ѣ* > *и* (Гот 1985: 288; 329).

Русизмы на морфологическом уровне находятся как в именной, так и в глагольной системе. На первом месте надо упомянуть смешивание аориста и настоящего времени в 3 лице единственного числа: не погыбнѣть И 17:12 Рад 20c8 (не погыбе Рад 174c25, Мар, Ас, Сав), вставить Мк 12:21 (остави Зогр, Мар); повелить Мк 13:24 (повелѣт Зогр, Мар) вместо не погыбе, остави, повелѣт, как и формы 3 лица множественного числа имперфекта с окончанием *-тъ*, например: молѣхъть Мк 8:22 (молѣахѣ Мар); выпрашахѣть Мк 9:11 (ср. възпрашаахѣ Мар); хоуѣхѣть Мк 15:29 (ср. хоуѣахѣ Мар). Приведенные формы совершенно обычны в русских текстах, но ни в македонских, ни в болгарских текстах они не встречаются, так как аорист и имперфект представляют собой живые грамматические категории, которые развиваются своим собственным им способом.

В области склонения к характеристическим чертам русской редакции принадлежит употребление так называемого «третьего ять» в соответствующих окончаниях мягкого склонения существительных (род. ед., им., вин., зват. мн. *io*-основ мужского рода) и в тех же самых падежах прилагательных и местоимений на месте старославянского (южнославянского) носового гласного переднего ряда, затем употребление окончания *-зьмь* в творительном падеже единственного числа *o-* и *u-*основ (Селищев 1951: 91; Večerka 1983: 16). Например, съ родѣмь Мт 12:42 в отличие от окончания *-омь* в других случаях,

затем родительный после супина: *приде [...] слышать прѣмѣдрости соломонѣ* 99a5 Л 11:31 (соломона Мар, соломонѣ Зогр), или родительный отрицания: *не вѣрѣтохъ ничесоже въ члвѣцѣхъ семь вини ѣже на нь вѣдите* 144a2, Л 23:14 (ѣже Мар, Зогр). В обоих случаях речь идет о неживых грамматических конструкциях, что могло быть причиной их перенесения из подлинника.

В Радомировом евангелии очень хорошо представлен лексический слой, типичный для мстиславовского типа полного апракоса. Эта традиция в южнославянской средневековой письменности, по всей вероятности, опосредствована святогорскими монастырями (Конески 1989; Богдановић 1978: 161). Присутствие этого лексического слоя в Радомировом евангелии подтверждают многочисленные совпадения с русскими рукописями, в частности, с Мстиславовым евангелием (Мст). Речь идет о вариантах, отсутствующих в классических старославянских памятниках. Из них можно привести, например: *раздѣрание* Мк 2:21 (ср. *дира* Мт 9:16); *тѣскъ* Мк 12:1–79a, 127b = Мст 105b, 203a (ср. *точило* Мт 21:33); *камень горѣць* Л 17:29 = Мст 92г (ср. *жюпѣль* в других текстах); *прѣвѣдѣти* Мт 6:24 = Мст 34a и Л 16:13 (ср. *неродити* или *невѣрѣти* в канонических евангелиях), *вѣдынѣ* Л 11:53 (ср. *лютѣ* Мт 8:6); *вѣдынѣ носимъ* Мт 23:4–158a = Мст 61a (ср. *неудобъ носимъ* Мт 23:4–69b и Л 11:46); *комарь* Мт 23:24–57b = Мст 51в, 135a (ср. *мъшица* Мт 23:24–158d) и многие другие. Можно привести и оборот *дъждь идетъ* Мт 5:45 (обычно *дъждитъ*), который находится и в Станиславовом прологе (Конески 1983: 27).

Можно привести и некоторые типичные семантические оттенки в значении отдельных слов, например, употребление слова *страна* на месте *ѣтвос* семь раз (Мт 6:32–35d2; Л 12:30; Л 21:24; Л 21:25; Л 22:25–142a21; Л 23:2; Л 24:47) наряду с обычным *азыкъ* (22×); *племя* шесть раз (Мк 12:20; 21:22; И 7:42; 8:33,37) на месте *спѣрца* наряду с *сѣма* (7×); *приходаи* Л 6:47, *придѣщи* Мк 10:30 на месте *ѣрхόμενος* наряду с *градѣщи* (3×).

В Радомировом евангелии присутствуют и характерные переводные эквиваленты грецизмов, например, чаще употребляется *право* (72×), *правь* (1×), чем *аминь* *амѣн* (15×), вообще не употребляется *архиснагогъ* *ἀρχισυνάγωγος*, лишь славянские эквиваленты *старѣшина* Мк 5:36, *старѣшина съборишоу* Мк 5:35, 38, *старѣшина събороу* Л 8:49, Л 13:14, *старѣшина мѣтарьскъ* Мк 5:22, или перевод *дѣбрь* *огньнаа*

Л 12:5 = Мст 85г, 173г вместо геона $\gamma\acute{\epsilon}\epsilon\nu\nu\alpha$ (7×), масло дрѣвѣнное Мк 6:13 или масло (6×) вместо старого олѣи $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\iota\omicron\nu$ (3×), только неправдѣдно богатѣство Л 16:13 = Мст, никогда мамона ($\mu\alpha\mu\omega\nu\acute{\alpha}\varsigma$). К русизмам в македонских текстах принадлежит и перевод $\gamma\omicron\delta\iota\chi\iota\nu\alpha$ Л 19:4 (= Мст 107б) вместо $\sigma\upsilon\kappa\omicron\mu\omicron\rho\omicron\rho\acute{\epsilon}\alpha$, находящийся не только в Радомировом евангелии, но и в евангелии попа Добрейша и в Кратовском (Конески 1988: 52).

Среди других многочисленных македонских рукописей, в которых можно открыть следы русского влияния, я хотела бы упомянуть Лобковский паремейник из-за того, что в существующих исследованиях редко говорится о русском влиянии в его тексте. Цонев даже говорит, что Лобковский паремейник «свободен од чуждо влияние» (Цонев 1914: 228); ни в монографии Миовского (1996) русское влияние не упоминается. С другой стороны, о русском влиянии говорят Бицевска (Бицевска 1998) и Рибарова (Рибарова 2005: 176–177).

Тем не менее, в памятнике находятся изменения, которые лучше всего объясняются русским влиянием. На первом месте можно привести употребление Ф на месте греческого θ : $\tilde{\omega}$ ефиофия Ис 11:11 (ср. $\tilde{\omega}$ ефиофия Зах, $\tilde{\omega}$ етиофия Григ), затем употребление ж вместо жд: $\mu\omicron\upsilon\tilde{\omega}\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ Ис 63:1 (ср. $\mu\omicron\upsilon\tilde{\omega}\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ Зах, $\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ Григ); взаимные замены л, ѣ – л, ѣ, например, им. ед. $\mu\omicron\tilde{\omega}\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ сѧ $\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ и зема Иоил 4:16 (ср. $\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ и зема Зах); $\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ сѧ зема $\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ конь Ис 2:7 (ср. $\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ сѧ зема $\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ конь Зах, $\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ сѧ зема $\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ кони Григ); род. ед. $\tilde{\omega}$ крѣпости ѣды тоѧ 3 Цар 19:8 (вз крѣпости ѣды тоѧ Зах, вз крѣпости ѣди тоѧ Григ); 3 мн. ѣда когда $\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ видать и $\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ слышать Ис 6:10 ($\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ слышать Зах, $\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ слышать Григ); в основе: $\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ на ча $\tilde{\omega}$ и на $\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ дѧ Зах, на $\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ $\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ дѧ Григ). На связь с новгородскими текстами указывает взаимное смешение ч и ц: $\tilde{\omega}$ клепка Притч 6:5 (< $\tilde{\omega}$ клепца, ср. ис клепца Зах); источник живота твоего Притч 4:21 Лобк (источники Григ, источникъ Зах); $\tilde{\omega}$ чество Иер 2:4 ($\tilde{\omega}$ чество Григ).

В Лобковском паремейнике имеются примеры взаимной замены вокалов $\tilde{\omega}/\tilde{\omega}$ – $\mu\tilde{\omega}/\mu\tilde{\omega}$: $\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ Притч 6:22 (встающю ти Зах, $\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ ти Григ). Состояние в подлиннике хорошо показывает пример $\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}$, который представляет собой явную ошибку, так как находится на месте винительного падежа личного имени $\mu\tilde{\omega}$: $\mu\tilde{\omega}$ ($\mu\tilde{\omega}\tilde{\omega}$ сѧ $\mu\tilde{\omega}$ 3 Цар 19:16 ($\mu\tilde{\omega}$ Григ, $\mu\tilde{\omega}$ Зах). Имеющаяся форма

юса с русским изменением ю > ж/ѣ явно свидетельствует о механическом исправлении из-за непонимания формы, которая находилась в русском подлиннике.

В Лобковском паримейнике находятся и многие другие явления, которые возможно объяснить русским влиянием. Например, высокая частотность графемы ы/ѣ и ее особенно частое употребление в сочетании с ш, ж, ц, жд, ц>ѣ (т. е. в связи с согласными, которые в русском языке произносятся твердо) явно ставит вопрос о русском подлиннике, так как в македонских диалектах тогда уже не существовала разница в выговоре гласных и/ѣ, из чего следует, что речь идет об орфографическом явлении, которое можно объяснить влиянием использованного русского подлинника (Конески 1983: 28; 1988: 53–54).

Приведенные примеры подтверждают, что в памятнике, с одной стороны, находятся бесспорные русизмы, перенесенные из подлинника, и, кроме того, русское влияние представляет собой фактор, который повышает частотность отдельных графических решений в рукописи Лобковского паримейника.

Можно сделать вывод, что присутствие русских подлинников в македонских культурных центрах подтверждается многими примерами на всех уровнях языка в многочисленных памятниках. Русское влияние особенной интенсивности достигает в XIII и XIV веках и является одним из важнейших факторов в развитии македонской письменности.

ЛИТЕРАТУРА

- Бицевска 1998 — *Бицевска К.* Руските јазични влијанија во македонските средновековни ракописи // Македонско-руски јазични, литературни и културни врски (материјали од Првата македонско-руска славистичка конференција, Охрид 23–24 август 1995). Скопје, 1998. С. 233–238.
- Богдановић 1978 — *Богдановић Д.* Српски апракоси у Хиландару // Зборник Владимира Мошина. Београд, 1978. С. 153–169.
- Добрев 1984 — *Добрев И.* Погрешно мнение за Охридския апостол // Старобългарска литература. София, 1984. Кн. 16. С. 3–17.
- Жуковская 1983 — *Апракос Мстислава Великого / Под ред. Л. П. Жуковской.* М., 1983.
- Ильинский 1906 — *Ильинский Г. А.* Македонский листок, отрывок неизвестного памятника кирилловской письменности. СПб, 1906.

- Конески 1979 — *Конески Б.* За руското влијание врз јужнословенските текстови од XIII–XIV век // *Opuscula Polono-slavica*. Wrocław, 1979. С. 175–178.
- Конески 1983 — *Конески Б.* Руското јазично влијание врз македонските текстови од XII–XIV век // Реферати на македонските слависти за IX меѓународен славистички конгрес во Киев. Скопје, 1983. С. 25–28.
- Конески 1986 — *Конески Б.* О Маријинском јеванђељу // *Јужнословенски филолог*. Београд, 1986. Књ. 42. С. 67–70.
- Конески 1988 — *Конески Б.* Јазични контакти меѓу старата македонска и руска писменост // Кирилметодиевскиот (старословенскиот) период и кирило-методиевската традиција во Македонија. Скопје, 1988. С. 51–56.
- Конески 1989 — *Конески Б.* Света Гора и старословенските ракописи // Климент Охридски и улогата на Охридската книжевна школа во развитокот на словенската просвета. Скопје, 1989. С. 97–100.
- Конески 2001 — *Конески Б.* Историска фонологија на македонскиот јазик. Со општ поглед врз фонолошкиот развиток на македонскиот јазик и со карта на македонските дијалекти од Божидар Видоески / Ред. Љ. Спасов. Скопје, 2001.
- Макаријоска 1997 — *Макаријоска Л.* Радомиров псалтир. Скопје, 1997.
- Миовски 1996 — *Миовски М.* Хлудов паримејник. Лингвистичка анализа. Скопје, 1996.
- Мошин 1970 — *Мошин В.* Палеографско-правописне норми за јужнословенске рукописе пергаменог раздобља // Симпозиум 1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски. Скопје, 1970. Кн. 2. С. 229–237.
- Мошин 1988 — *Мошин В.* Мисли о начале славянского письма и об архаическом периоде южнославянской письменности в X веке // Кирилметодиевскиот (старословенскиот) период и кирило-методиевската традиција во Македонија. Скопје, 1988. С. 85–96.
- Мошин 1954 — *Мошин В.* Македонското евангелие на поп Јована. Скопје, 1954.
- Рибарова 2005 — *Рибарова З.* Јазичните особености на Лобковскиот паримејник // Јазикот на македонските црковнословенски текстови. Скопје, 2005. С. 171–182.
- Селищев 1951 — *Селищев А. М.* Старославянский язык. Москва, 1951. Т. I.
- Сергий 1901 — *Архимандрит Сергий.* Полный месяцеслов Востока. II. Владимир, 1901.
- Сперанский 1923 — *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений русской и югославянской литературы (Русские памятники письменности на юге славянства) // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. М., 1921–1923. Т. 26. С. 143–206 (Переизд.: Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 7–54).

- Тот 1985 — *Тот И.* Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI – начале XII вв. София, 1985.
- Турилов 1993 — *Турилов А. А.* Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII–XIV вв. (проблемы и перспективы изучения) // Славянские литературы. XI Международный съезд славистов. Бра- тислава. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 27–42.
- Успенский 1987 — *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). München, 1987.
- Угринова-Скаловска, Рибарова 1988 — *Угринова-Скаловска Р., Рибарова З.* Радомирово евангелие. Скопје 1988.
- Цонев 1914 — *Цонев Б.* Врачанско евангелие. Среднобългарски паметник од XIII век. София, 1914.
- Jagić 1883 — *Jagić V.* Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae codex Marianus glagoliticus characteribus cyrillicis transcriptum. Berolini, 1883 (Пе- принт: Graz, 1960).
- Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1966–1997. Т. I–IV. Praha, 2016. Т. V.
- Večerka 1982 — *Večerka R.* Ruskocírkevněslovanské šč // Sborník prací Filozo- fické fakulty brněnské univerzity. Řada jazykovědná. A 30. Brno 1982. S. 55–60.
- Večerka 1983 — *Večerka R.* Ke konstituování církevní slovanštiny ruského typu // Československá slavistika 1983. Lingvistika. Historie. Praha, 1983. S. 13–21.
- Vyskočil 1980 — *Vyskočil P.* Rusismy v apoštoláři Ochridském // Slovo. Zagreb, 1980. Br. 30. S. 7–15.
- Vyskočil 1990 — *Vyskočil P.* Znovu o rusismech v Ochridském apoštoláři // Slovo. Zagreb, 1989–1990. Br. 39–40. S. 53–71.

Zdenka Ribarova

The Russian influence on the Macedonian Old Church Slavonic manuscripts

The Russian influence on the Macedonian manuscripts has a long history. The Russian influence is one of the most significant factors in the evolution of the Macedonian old literacy. There are numerous Russian templates found in the Macedonian cultural centers and their examples are evident on different levels of the language. The study is illustrated with chosen examples from Macedonian Old Church Slavonic manuscripts with special emphasis on the Radomir's Gospel and Lobkovski Prophetologion.

Key-words: Macedonian Old Church Slavonic literacy, Russian influence, Ma- cedonian manuscripts